

Фу Кунь довёл Фу Ицзэ до дверей второго класса первого года обучения, где их уже ждал учитель Юй.

— Иди, а я возвращаюсь в свой класс, — Фу Кунь повернулся, собираясь уходить, но Фу Ицзэ вцепился ему в руку. Фу Кунь оглянулся: — В чём дело?

Фу Ицзэ ничего не ответил, лишь мёртвой хваткой вцепился в его руку и не отпускал.

Фу Кунь вздохнул, присел на корточки и шёпотом сказал ему на ухо:

— Ничего страшного, я прямо на вашем этаже, сразу после звонка сбежу вниз и найду тебя. Обидит кто — отметелю.

Произнеся эти слова, Фу Кунь почувствовал себя невероятно крутым, просто настоящим главарём.

Фу Ицзэ крайне неохотно разжал пальцы, и учитель Юй за руку увёл его в класс.

В конце перемены после первого урока Фу Кунь собирался спуститься вниз, чтобы проведать Фу Ицзэ, но учительница Ли поймала его на том, как он на уроке китайского языка рисовал в учебнике сражающихся человечков. Стоило прозвенеть звонку, как его выволокли в коридор и принялись отчитывать. Ли учительница даже не собиралась останавливаться, хотя прошло уже минут пять.

Фу Кунь немного занервничал. Дело было вовсе не в том, заглянет он к Фу Ицзэ или нет, тут на кону стояла репутация главаря.

Он прислонился спиной к коридорным перилам, вытянул шею и заглянул вниз. С первого же взгляда он заметил Фу Ицзэ: все ученики в школе носили синюю форму, и только у Фу Ицзэ формы ещё не было, так что его красная стёганая курточка бросалась в глаза.

Фу Ицзэ стоял прямо под коридором, задрал голову и глядя вверх, его шапка даже свалилась.

От этого зрелища у Фу Куня на душе скребли кошки. Он уже собирался помахать Фу Ицзэ рукой, как Ли учительница толкнула его:

— На что уставился? На уроке уши не грел, а теперь я тебя не наказываю стоять, а воспитываю, так ты и слушать не хочешь! Совсем стыд потерял!

— Я знаю, что виноват.

Фу Кунь недолюбливал учительницу Ли: она была страшной карьеристкой и льстицей. Если у кого-то из родителей были высокие чины или деньги, она расплывалась в улыбках, словно они её близкие родственники, но к остальным детям относилась зверски жестоко. Ученики в классе боялись её до полусмерти — завидев издали, сразу прятались. А стоило ей заявить кому-нибудь: зайди ко мне в учительскую, — бедняга мог прямо на месте разрыдаться. Все за глаза звали её Ли-Яньван*.

В обычных обстоятельствах Фу Кунь никогда бы не стал так перед ней извиняться — ему хотелось поскорее спуститься вниз, чтобы Фу Ицзэ не подумал, будто его старший брат бросает слова на ветер.

— В чём ты виноват? И не думай отделаться отговорками! А ну выкладывай, в чём твоя вина? — Ли-Яньван, казалось, и не думала его отпускать.

Внутри Фу Куня мгновенно вспыхнул пожар. По правде говоря, пререкаться с учителями было для него привычным делом, но вчера матушка только с ним беседовала, и он собирался хоть пару дней вести себя примерно. Однако стерпеть выходку Ли-Яньван он просто не мог:

— Вы меня спрашиваете? Это ведь вы меня вытащили сюда и отчитываете, разве не вы должны мне объяснить, в чём я не прав?

— Фу Кунь! — глаза Ли-Яньван округлились от ярости. На весь параллельный поток вряд ли нашлось бы ещё несколько смельчаков, способных так огрызаться с учителями, а уж такой законченный рецидивист, как Фу Кунь, был всего один. Она ткнула пальцем прямо ему в лицо: — Да зачем ты вообще учишься! Проваливай из школы! Иди на рынок овощи продавать, негодник! Что за создание!

— Захочу — брошу, я изначально сюда не рвался! — Фу Кунь без малейших колебаний зашагал к лестнице. — И зря ты презираешь торговцев овощами, сам-то что жрёшь?

Едва ступив на лестницу, Фу Кунь уже не слушал, что там вопит ему вслед Ли-Яньван, и помчался на первый этаж, перепрыгивая через ступеньки.

Фу Ицзэ по-прежнему стоял на прежнем месте, изо всех сил запрокинув голову вверх.

— Отрезок, — подбежав, Фу Кунь помахал рукой у него перед глазами. — Всё глядишь?

— Братик! — стоило Фу Ицзэ разглядеть его, как его лицо озарилось улыбкой, а слово «братик» прозвучало необычайно звонко.

— Не холодно? Чего на улице торчишь? — Фу Кунь потянул его за воротник.

Фу Ицзэ только улыбался и молчал. Фу Кунь поглазел на него с полминуты:

— Чего лыбишься? Нашёл чему радоваться. Пошли внутрь, после уроков встанешь в колонну, я тебя подожду.

— Угу, — кивнул Фу Ицзэ.

Он неторопливо поплёлся обратно в класс. Фу Кунь простоял у дверей класса от силы две минуты, как прозвенел звонок на урок.

Возвращаться в свой кабинет он не стал: втянув голову в плечи, послонялся немного на лестнице, а когда мимо прошёл дежурный учитель, выскользнул наружу и со всех ног понёсся на маленькую спортивную площадку позади учебного корпуса. За этой площадкой находилась старая школьная ограда, выложенная из красного кирпича, высотой примерно метра два. Для Фу Куня эта стена вообще не существовала — он был высоким, ростом почти с учеников пятых-шестых классов, так что ему хватало пары взмахов, чтобы перемахнуть через неё.

Правда, после того как он повредил руку, он через забор ещё не лазил, и сегодня понял, что с одной работающей рукой это всё-таки трудновато. Ему пришлось даже упереться подбородком о верхний край стены, чтобы приложить усилие, и только так он перебрался на ту сторону, но осколок кирпича поцарапал подбородок, заставив того неприятно зануть.

— Кому охота сидеть на этих уроках, чушь собачья, — потирая подбородок, пробормотал он себе под нос и зашагал вперёд по улочке.

Фу Кунь редко прогуливал школу. В отличие от Ван Чжицзяна и его компашки, у него была всего одна излюбленная точка на случай побега с уроков.

Игровой зал на углу улицы.

Владельцем аркады был мужчина средних лет со страшным чёрным драконом во всю руку, напоминавшим цветастый рукав халата, хотя человеком он был не злым. Фу Кунь не знал его фамилии и звал просто дядей Луном.

Стоило дяде Луну увидеть Фу Куня, как его лицо исказилось в болезненной гримасе.

— Кунь-цзы, ты что, сбежал с уроков? — дядя Лун сидел за стойкой, зажав в зубах сигарету, со скорбным выражением на лице.

— Угу, поиграть чуть-чуть, — Фу Кунь вытащил из кармана монетку и положил на стол.

Дядя Лун вздохнул, затушил сигарету и ткнул пальцем в ту самую монетку:

— Сколько жетонов дать?

— Один, — ответил Фу Кунь.

— И снова всего один? — дядя Лун выглядел крайне удручённым.

— Чего, продавать не хочешь? — Фу Кунь прислонился к прилавку. — Давай живее.

— У тебя же рука в таком виде, разве сможешь играть?

— Я выберу что полегче.

Дядя Лун бросил ему жетон и отсчитал восемьдесят фенов сдачи.

Он действительно не горел желанием продавать Фу Куню жетоны. От одного вида этого пацана у него начинала болеть голова: других школьников он всегда приветствовал с распростёртыми объятиями — те приходили просто швыряться деньгами, и один жетон улетал за пару минут.

Но Фу Кунь... с одним-единственным жетоном он мог просидеть битый час, а если у него было хорошее настроение, то на один жетон вообще умудрялся пройти всю игру от начала до конца.

Во всей его аркаде стояло всего восемь автоматов, и Фу Кунь умудрялся занимать один из них за какие-то двадцать фенов. Дядя Лун каждый раз впадал в тоску при его виде, но выставить парня за дверь не смел — стоило его прогнать, как этот сорванец начинал от нечего делать швырять камни в стены игрового зала: по четыре раза на дню, швырнёт и бежать.

Забрав жетон, Фу Кунь уселся за автомат. Обычно он предпочитал «Стрит Файтер», но сегодня рука была не в форме, так что он решил выбрать что-нибудь попроще.

Увидев на экране заставку «Небесной туманности», дяде Луну оставалось только вздохнуть — к счастью, народу в зале сейчас было мало.

Стоило Фу Куню втянуться в игру, как он напрочь потерял счёт времени. На самом последнем уровне он услышал, как кто-то поблизости бросил: «Пойдёмте обедать, уже за полдень перевалило».

Он на миг остолбенел, и в этот самый момент его самолёт на экране сбило одним выстрелом. Не обращая на это внимания, он резко повернулся и завопил во всю глоть:

— Который час, дядя Лун?

— Двадцать минут первого, — дядя Лун глянул на часы.

— А-а-а! — взвыл Фу Кунь, подорвался со стуба и стрелой вылетел из зала.

Занятия в школе заканчивались в половине двенадцатого! Прошёл уже целый час!

Пока Фу Кунь бежал обратно к школе, ноги у него стали ватными. Стоило ему вспомнить, как Фу Ицзэ стоял у лестницы, задрав голову, ему самому хотелось завывать от отчаяния.

Для Фу Ицзэ это был первый учебный день, он никого не знал, а дорогу от дома до школы видел всего дважды...

Если с ним что-то случится, можно сразу не возвращаться домой — там батюшка с матушкой мигом разрежут его на фарш и скормят кому-нибудь!

Добежав до школьных ворот, он беглым взглядом окинул окрестности: вокруг ни души, ворота уже затворены, только сторож-дед сгребает снег.

Когда вообще успел пойти снег? И главное — шёл снег!

— Эй ты куда! Ещё не время, входить запрещено! — заметив, что Фу Кунь рвется внутрь, дед тут же перегородил ему дорогу.

— Дедушка, там внутри никого не осталось? — Фу Кунь сорвал горло от крика и заорал прямо в щель ворот: — Отрезок!

— Никого, все разошлись, я уже все классы проверил, время-то видел сколько...

Фу Кунь кинулся к велопарковке, подхватил велосипед и со всех ног помчал домой. Прошёл уже целый час, возможно, Фу Ицзэ уже дома: школьная колонна расходилась как раз в двух кварталах от их дома, так что если Фу Ицзэ запомнил дорогу, то мог дойти всего минут за десять.

Но смог ли он её запомнить?

А вдруг он так и стоит на прежнем месте?

В голове Фу Куня проносились самые жуткие картины: похитители детей, маньяки...

Матушка была абсолютно права насчёт тебя, Фу Кунь: ты просто мать твою безнадежен!

В первый же день в школе умудрился потерять младшего брата!

Да уж, Фу Кунь действительно оказался непутёвым сорванцом.

Фу Ицзэ сидел в классе, чувствуя себя ужасно неудобно. Программа в Третьей школе оказалась сложнее, чем в его прежней, и многое он просто не понимал.

К тому же каждый учитель, заходя в класс, обязательно спрашивал: «Ну-ка, кто тут у нас ученик Фу Ицзэ?» — и заставлял его подниматься, чтобы все могли посмотреть на него. Для Фу Ицзэ, и без того нервничавшего из-за смены школы, это было настоящим шоком: он так растерялся, что ему хотелось съёжиться в комок и спрятаться в каком-нибудь углу.

Одноклассники, правда, больше не шарахались от него в стороны, но мальчишка на задней парте по имени Цзян Сун постоянно дёргал за помпон на его шапке, что жутко раздражало.

Ему оставалось лишь сидеть, опустив голову, чтобы помпон болтался спереди.

Он страстно желал окончания уроков и встречи с Фу Кунем. В этом внезапно ставшем чужим доме и новой школе только Фу Кунь и его теплое рукопожатие давали ему ощущение хоть какой-то надежды и опоры.

На каждой перемеченной перемене он выбегал в коридор и смотрел вверх, но Фу Куня так и не увидел; не было его и во время школьной зарядки, что его немало разочаровало.

Однако к моменту окончания занятий в нём снова забрезжила надежда — Фу Кунь обещал, что будет ждать.

Учительница распределила детей по колоннам в зависимости от адреса. Он встал на вторую позицию, прямо за маленькой девочкой, которая то и дело оглядывалась на него.

Пока они строились, старшеклассники со второго этажа валом валили к выходу из лестницы. Он заметил Сунь Вэй, но Фу Куня среди них не было.

Сунь Вэй, опустив голову и волоча портфель, брёл к выходу из школы, то и дело пиная ногами камушки. Фу Ицзэ начал тревожиться: где же Фу Кунь?

Следуя указаниям учительницы, Фу Ицзэ вцепился в лямку портфеля впереди стоящего ученика и, во все глаза глядя по сторонам, поплёлся со всеми за школьные ворота. Но в какую бы сторону он ни смотрел, следов Фу Куня не было и в помине.

Его приподнятое настроение стало понемногу улетучиваться, однако он продолжал крутить головой, выискивая знакомый силуэт.

Раз Фу Куня нет в школе, может, у ворот?

Если не у ворот, то на перекрёстке впереди?

И не на перекрёстке? Тогда, может, чуть дальше у дороги?

Он в упор рассматривал каждого прохожего, отчаянно надеясь, что вот-вот появится Фу Кунь на своём велосипеде.

Но нет, никого.

— Смирно! — раздался впереди голос командира колонны. — Разойдись!

По команде «разойдись» Фу Ицзэ так и замер на месте.

Остальные ученики разошлись по разным дорогам в сторону дома, и только он один одиноко стоял на обочине.

Он растерянно обернулся вокруг своей оси: мимо него туда-сюда спешили взрослые после смены, никто из них не обращал на него внимания. Несколько учеников помчались мимо с криками и возвёней и случайно толкнули его так сильно, что он пошатнулся и едва не упал на скользком тротуаре.

Фу Кунь не пришёл. Мальчик не знал, что ему делать.

Дорогу домой он помнил — привычка запоминать пройденный путь выработалась у него давно, ведь он до ужаса боялся в один прекрасный день снова оказаться брошенным в незнакомом месте.

Но должен ли он ждать здесь Фу Куня или пойти домой самому?

Почему Фу Кунь не явился?

Что-то случилось?

Забыл?

Или... он больше не заберёт его?

Фу Ицзэ присел на корточки у обочины. Ему было холодно и хотелось есть.

В кармане лежало варёное яйцо — тётушка дала его с собой на случай, если он проголодится.

Он так и не притронулся к нему: привычка беречь всё самое лучшее и съедать по чуть-чуть укоренилась в нём за много лет.

Он пошарил в кармане, нащупал яйцо и уже хотел достать его, как сзади донеслись чьи-то смешки вперемешку с жалобным повизгиванием.

Оглянувшись, он увидел двух мальчишек постарше, которые швыряли камешки в маленькую собачонку, сжавшуюся в комок у сугроба.

Собака была рыжей, с грязной шерстью. Видимо, от испуга она свернулась калачиком и даже не пыталась убежать, безропотно принимая удары камней и лишь издавая тихий жалобный скулёж, мелко дрожа всем телом.

Фу Ицзэ заворуженно уставился на дворняжку, а затем сорвался с места и бросился на одного из обидчиков, изо всех сил толкнув его.

— Ай! Ты чё делаешь! Псих что ли! — мальчишка едва устоял на ногах от толчка и в гневе швырнул камень прямо в Фу Ицзэ. Второй шкет тут же подскочил и тоже со злости толкнул его.

Ростом Фу Ицзэ был мал, поэтому от толчка сразу рухнул на землю.

Он быстро вскочил на ноги, не говоря ни слова, и подобрал валявшийся неподалёку у древесной лунки кусок кирпича.

Не успели те двое опомниться, как Фу Ицзэ уже саданул кирпичом прямо по физиономии того пацана, что толкнул его первым.

Силы у Фу Ицзэ было немного, и удар вышел не слишком мощным, но мальчишка всё равно пару секунд таращился на него ошоловелым взглядом, после чего взревел белугой.

— Ты дерёшься! Жить надоело?! — второй пацан коршуном кинулся на него и с размаху влепил пощёчину.

От удара у Фу Ицзэ зазвенело в ушах, и он качнулся назад.

Но кирпич остался в руке, и, не раздумывая ни секунды, он со всего размаху швырнул его в обидчика. Кирпич угодил тому прямо в лоб.

Задерживаться Фу Ицзэ не стал: пока тот, схватившись за лоб, согнулся пополам, он подбежал, подхватил дрожащую собачонку и бросился наутёк.

Преследовали ли его те мальчишки, он не знал — пробежав изрядное расстояние в сторону дома, Фу Ицзэ наконец остановился.

Погони не было. Усевшись на ступеньку у обочины, он долго переводил дыхание, пока шапка съехала набок.

Он опустил щенка на землю, посомневался пару секунд, вытащил из кармана яйцо, очистил от скорлупы и положил перед собакой.

Дворняжка жадно проглотила яйцо, задрала мордочку и замахала хвостом.

— Больше нет, — Фу Ицзэ отряхнул ладони, показывая, что угощение закончилось.

Пока собака ела, он сам сглатывал слюну, едва сдерживаясь, чтобы не отнять половину назад.

Облизнув пасть, щенок уселся перед ним.

Посидев немного и почувствовав холод, Фу Ицзэ поднялся и зашагал дальше.

Пройдя полквартиры, он вдруг заметил, что щенок семенит следом за ним.

Ему пришлось снова хлопнуть себя по коленям и развести руки:

— Правда ничего нет.

Щенок вильнул хвостом и уселся.

Стоило ему сделать шаг, как собака снова поднялась и потрусил за ним.

Так они дошли до самых ворот автопарка, а щенок всё не отставал.

Фу Ицзэ повернулся, присел перед ним на корточки лицом к лицу, долго всматривался в животное, а потом подхватил на руки:

— Давай я тебя спрячу.

Он не мог привести пса домой — он сам-то очутился в этой семье всего два дня назад, и хотя домашние приняли его тепло, лишний раз создавать проблемы не стоило. В детском доме он посмотрел на детей, от которых отказались приёмные семьи: стоило родителям почувствовать хлопоты, как ребёнка могли просто вернуть назад...

Возвращаться в приют ему не хотелось, он мечтал о настоящем доме.

Поэтому ему приходилось быть очень-очень послушным.

Фу Кунь летел на велосипеде подобно пуле, до упора выжав тормоза и врезавшись в стену, чтобы наконец остановиться.

Всю дорогу от школы он нигде не встретил Фу Ицзэ и отчаянного волнения даже вспотел под ледяным северным ветром.

В подъезде уже витал аппетитный запах еды. Перемахивая через ступеньки, он с воплем влетел на третий этаж:

— Отрезок! —

Из распахнутой двери их квартиры у самого лифта выскочила маленькая фигурка. Разглядев в ней Фу Ицзэ, Фу Кунь вмиг испустил дух: ноги сразу ослабели, он уперся руками в колени и, тяжело дыша, ткнул пальцем в брата:

— Ты до смерти меня напугал...

— Это ты меня до смерти напугал! — раздался за спиной голос матушки.

Не успел он повернуться, как матушка отвесила ему пинок под зад, и он рухнул на колени прямо на полу.

— Свет не видывал таких безответственных балбесов! — матушка опустила на его макушку целый вилок пекинской капусты. — Утром ещё огрызался! И стоило мне читать нотации? Всё равно позволил младшему брату одному возвращаться! По каким гулянкам тебя носило?!

— Ай! — Фу Кунь вскинул руки, защищая голову. — Да я в классе в карты резался...

— В карты! Опять за своё! — матушка наградила его ещё парой увесистых затрецин. — Сегодня останешься без обеда, марш в карты играть!

— Ладно вам, ладно, все ведь вернулись, живой, перестаньте бить.

Соседи сбежались разнимать их и успокаивать.

Фу Кунь прикрывал голову руками и не смел шелохнуться. В другой раз он бы наверняка умчался и переждал бурю где-нибудь на улице, но сегодня — даже если бы матушка опустила

на него разделочную доску, он бы с места не двинулся.

— Я же русским языком говорю, Фу Кунь! — матушка ткнула в него пальцем. — На остальное мне плевать, рос себе как дикий кабанчик, я особо и не лезла! Но сегодня — другое дело! Это ответственность! Ты понимаешь это или нет?! Ты сам повёл брата на улицу и пообещал привести обратно! И что в итоге?!

— Я виноват, — опустив голову, пробормотал Фу Кунь. — Больше не повторится, клянусь.

— Ты мужчина! Пусть даже маленький, но мужчина! Мужик сказал — мужик сделал!

— Слово держу! — Фу Кунь стиснул зубы.

— Проваливай к двери, стой там!

Обеда Фу Кунь лишился. Он стоял, прислонившись спиной к стене под окнами собственной квартиры.

Сегодня матушка не стала устраивать ему долгих выволочек, её требование было простым — стоять на месте и думать. Думать о том, что такое ответственность.

Она приказала ему простоять так до самого дневного выхода в школу.

В коридоре стоял жуткий холод: поначалу это казалось терпимым, но спустя полчаса неподвижного стояния тело начало затекать.

Оконное стекло позади него дважды тихонько звякнуло.

Обернувшись, он увидел лицо Фу Ицзэ, прижатое к стеклу.

— Братик, — позвал его Фу Ицзэ.

Матушка ушла относить обед батюшке и на всякий случай заперла входную дверь на замок, чтобы Фу Ицзэ не вздумал вынести брату еды, так что выйти тот не мог.

— Отрезок, я тебя ещё не допросил: как ты вообще добрался? — улыбнулся Фу Кунь. — Дорогу знаешь?

— Угу, — кивнул Фу Ицзэ.

— Долго меня ждал?

Фу Ицзэ кивнул, но тут же замотал головой.

— Сегодня я и впрямь сплоховал... — Фу Кунь попытался было продолжить, как вдруг уловил восхитительный аромат. Слюна едва не брызнула изо рта, и он поспешно зажал рукой нос и рот.

Повернув голову, он увидел появившегося неизвестно откуда Ся Фэя, который вертел в руке аппетитный куриный окорочок.

— Всё стоишь? — Ся Фэй помахал окорочком перед его носом и тут же отвлёк назад.

— Угу, — Фу Кунь отвернулся. Ся Фэй вечно любил подразнить людей.

— Холодно? — Ся Фэй снова замаячил куриной ножкой прямо под его носом.

— Ся Фэй! — со злостью бросил Фу Кунь. — Ну ты и садист.

Ся Фэй расхохотался, вдоволь потешаясь над ним, а затем выудил из кармана маленький металлический грех для рук и сунул ему за пазуху:

— Есть хочешь?

— Не хочу, — Фу Кунь опустил голову. Такие грелки с угольными стержнями внутри грели отменно. Раньше у него тоже была такая, но после того как он бестолково потерял целых три штуки, матушка больше не соглашалась их покупать.

— Ого, неужто правда не хочешь? — Ся Фэй принялся к окорочку. — Какой аромат... Сейчас остынет ведь.

— Не буду! — Фу Кунь изо всех сил желал вырвать курицу из его рук и сожрать в один присест, но он нёс наказание, а раз он мужчина, значит, придётся потерпеть.

Ся Фэй постучал в оконное стекло и ухмыльнулся прильнувшему к нему Фу Ицзэ, приплюснувшему нос о стекло:

— Ицзэ, уговори своего брата съесть куриную ножку, а то он у тебя с голоду помрёт.

— Сказал не буду — значит, не буду! Мужчина держит слово! — Фу Кунь задержал дыхание: без заманчивых запахов переносить экзекуцию стало намного проще.

— Братик... — тихо позвал Фу Ицзэ. — Братик.

— Чего тебе? — Фу Кунь повернулся и бросил на него взгляд. — Эй ты...

<http://bllate.org/book/21935/2278930>